

Поэт и безумцы

Гилберт Честертон

**ПОЭТ
И БЕЗУМЦЫ**

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
Ч-51

*Перевод с английского Натальи Трауберг
и Виктора Хинкиса*

Честертон, Г.

Ч-51 Поэт и безумцы / Г. Честертон; [пер. с англ. Н. Трауберг, В. Хинкис]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ. – 326 с.

ISBN 978-5-519-66199-7

«Поэт и безумцы» и «Охотничьи рассказы» включают рассказы Честертона, которые можно назвать притчами и по своей сути философскими эссе, выраженными и детективным сюжетом, и персонажами, о которых бы сказали «не от мира сего». Габриэль Гейт – поэт с именем архангела и способностями частного детектива – обладает одним-единственным даром спасать мятущиеся души. И словно в противовес ему стоят семеро героев «Охотничьих рассказов». Те эксцентрики и теоретики, удачливые коммерсанты и загадочные пасторы, любители необычных пари и изобретатели неизвестного, для которых оказываются хороши самые невероятные средства при достижении благородной цели.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
VIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-66199-7

© Т8 RUGRAM, 2019
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019
© Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2019
© Перевод. В. Хинкис, наследники, 2019

ПОЭТ И БЕЗУМЦЫ

ДИКОВИННЫЕ ДРУЗЬЯ

Кабачок «Восходящее солнце», судя по его виду, должен бы называться солнцем заходящим. Стоял он в треугольном садике, скорее сером, чем зеленом; обломки изгороди поросли печальными камышами, сырые и темные беседки совсем обвалились, а в грязном фонтане сидела облупленная нимфа, но не было воды. Самые стены не столько украшал, сколько пожирал плющ, сжимая в кольцах, словно дракон, старый кирпичный костяк. Перед кабачком шла пустынная дорога. Пресекая холмы, она вела к броду, которым почти не пользовались с тех пор, как ниже по течению построили мост. У входа стояли стол и скамья, над ними висела потемневшая вывеска, изображавшая бурое солнце, а под вывеской маялся кабатчик, уныло глядя на дорогу. Черные, прямые волосы оттеняли нездоровый багрянец его лица, мрачного, как закат, но не такого красивого.

Единственный человек, проявляющий признаки жизни, собирался в дорогу. За много месяцев тут не останавливался никто, кроме него, а теперь и сам он уезжал, чтобы вернуться к своим врачебным обязанностям. Молодой врач был приятен на вид. Его острое лицо светилось юмором, а рыжие волосы и кошачья ловкость движений не подходили к тупому покою заброшенного кабачка. Сейчас он пытался затянуть ремни докторского саквояжа. Ни хозяин, стоявший за шаг от него, ни слуга, топтавшийся под дверью, не пытались помочь ему то ли от уныния, то ли потому, что просто отвыкли.

Долго стояла тишина. Он трудился, они томились, пока не раздались один за другим два резких звука. Ремень лопнул, врач сердито и весело чертыхнулся.

— Ну и дела... — сказал доктор Гарт. — Придется его чем-нибудь перевязать. Есть у вас тут веревка?

Задумчивый кабатчик неспешно повернулся и пошел в дом. Вскоре он вынес длинную, пыльную веревку, завязанную петлей. Должно быть, ею привязывали осла или теленка.

— Другой нету, — сказал он. — Я и сам теперь в петле.

— Что-то у вас нервы расшатались, — заметил врач. — Вам нужно попринимать тонизирующую микстуру. Может, мой чемодан для того и открылся, чтобы я вам подобрал лекарство.

— Мне бы синильной кислоты, — отвечал владелец «Восходящего солнца».

— Я ее обычно не прописываю, — весело откликнулся Гарт. — Что и говорить, снадобье приятное, но мы не можем гарантировать полного выздоровления. Однако вы и впрямь приуныли. Вы даже не очнулись, когда я, по чужачеству, оплатил счет.

— Спасибо вам, сэр, — невесело ответил кабатчик. — Много нужно оплатить счетов, чтобы спасти мое заведение. Все шло хорошо, пока за рекой была дорога. Нынешний помещик ее закрыл, и люди ездят через мост, а не через нашу переправу. Никого нету, кроме вас. Да и зачем...

— Говорят, помещик и сам почти что разорился, — сказал Гарт. — Историческое возмездие!.. Они с сестрой живут в настоящем замке, но, как я слышал, жить им не

на что. Да и вся округа приходит в упадок. А вы зря сказали, — вдруг прибавил он, — что тут никого нет. Вон на холме двое, они сюда идут.

Дорога бежала к реке через долину, а за рекой, за переправой, поднималась по холму к воротам Уэстерм-эйнского аббатства, черневшего на фоне бледных облаков, или, вернее, мертвенно-бледных туч. Но с этой стороны, над лощиной, небо было чистое и сияло так, словно не вечер наступал, а разгоралось утро. По белой дороге шли двое, и даже издалека было видно, что они не похожи друг на друга.

Когда путники приблизились, это стало еще виднее и особенно бросалось в глаза оттого, что шли они совсем рядом, чуть ли не под руку. Один из них был коренастый и маленький, другой — тощий и на удивление высокий. Волосы у обоих были светлые, но тот, кто пониже, гладко причесывал их на пробор, а у того, кто повыше, они причудливо торчали во все стороны. Лицо у низенького было квадратное, а глаза такие маленькие и яркие, что острый носик казался клювом. Он и вообще походил на воробья, во всяком случае, на городскую, а не на сельскую птичку. Одет он был аккуратно и незаметно, как клерк, и в руке держал небольшой портфель, словно шел на службу. Высокий нес на плече рюкзак и мольберт. Лицо у него было длинное, бледное, глаза рассеянные, подбородок торчал вперед, словно принял какое-то решение, к которому непричастен отсутствующий взор. Оба были молодые, оба без шляпы — видимо, им стало жарко от ходьбы, но маленький держал соломенное канотье, а у высокого торчало из рюкзака серое фетровое ухо.

Они подошли, остановились, и коренастый бодро сказал своему спутнику:

— Ну, тут вам раздолье!

Потом он живо и вежливо спросил две кружки эля, а когда мрачный кабатчик скрылся в мрачных недрах своего увеселительного заведения, с той же живостью обратился к врачу:

— Мой друг — художник, — объяснил он, — и притом особый. Если хотите, он маляр, но не в обычном смысле слова. Он член академии, но не из тех, важных, а из молодых, и чуть не самый талантливый. Его картины висят на всех этих нынешних выставках. Но сам он считает, что главное его дело не выставки, а вывески. Да! Он обновляет кабацкие вывески. Вы не каждый день встретите гения с такой причудой. А как ваш кабак называется?

Он приподнялся на цыпочки, вытянул шею и взгляделся в почерневшую вывеску с каким-то буйным любопытством.

— «Восходящее солнце», — сказал он, резво обращаясь к своему молчаливому спутнику. — Прямо знамение! Мой друг — поэтическая натура, — объяснил он. — Утром он говорил, что, если мы возродим настоящий английский кабачок, над Англией снова взойдет солнце.

— Говорят, над Британской империей оно никогда и не садится, — весело заметил врач.

— Я про империю не думал, — откликнулся художник так просто, словно размышлял вслух. — Трудно себе представить кабак на вершине Эвереста или на берегу Суэцкого канала. Но стоит потратить жизнь на